

Хан Сиэнь шел не торопясь. Его медлительные, неверные шаги как нельзя лучше соответствовали облику немоющего юноши, годами не поднимавшегося с постели. Он направлялся к старой госпоже, дабы смиренно вымолить прощение. Следом безмолвной тенью ступала Би Хуа, которую во дворике Душистых Орхидей теперь все молча признали старшей служанкой.

По пути к дворiku Вутонов, где жила старая госпожа Хань, им то и дело попадались слуги, уныло наводившие порядок после сорванного торжества. Едва ли после устроенной во внутреннем дворе кровавой бани у кого-то из гостей остался аппетит. Пожалуй, этот день рождения стал самым позорным и нелепым в жизни старой госпожи. Если, конечно, не брать в расчет две ее предыдущие жизни.

В прежние времена челядь герцогского поместья ни в грош не ставила Хан Сиэня. За глаза его называли никчемным калекой, которому на роду написано умереть молодым, да и в лицо не раз выказывали пренебрежение. Но сегодня эти привыкшие пресмыкаться перед сильными и топтать слабых лакеи, едва заведя хрупкий, покачивающийся силуэт наследника, испуганно падали на колени. Те же, за кем водились особые грешки, бледнели от ужаса, обливались холодным потом и сжимались в комок, отчаянно желая раствориться в воздухе.

Сиэнь не собирался сводить с ними счеты — в конце концов, обижали они прежнего хозяина этого тела, а не его. Однако их животный страх изрядно его забавлял. Похоже, отныне в этом доме никто не посмеет портить ему кровь.

Би Хуа шла позади, низко опустив голову. Она не смела поднять глаза на своего господина, страшась даже взглянуть на его спину.

Приставили ее к молодому господину всего год или два назад. Срок небольшой, но она успела понять, что наследник всегда отличался ясным и проницательным умом. Ей оставалось лишь гадать, действительно ли балансирование на грани жизни и смерти так круто изменило его нрав, превратив в безжалостного и расчетливого человека. Одно она знала наверняка: с того момента, как Сиэнь завел с ней тот будничней, вкрадчивый разговор, она оказалась с ним в одной лодке. Девушка понятия не имела, как ему удалось раскопать ее самую тщательно оберегаемую тайну, но понимала: сопротивление бесполезно.

Поручение наследника было простым — всего лишь вовремя сказать нужные слова, причем каждую реплику он продиктовал ей заранее. Она смутно догадывалась, какую игру он ведет, но благоразумно держала язык за зубами. Стоило ей вспомнить ужасный конец матушки Дун, как к горлу подкатывала тошнота, а по спине пробегал леденящий озноб.

Гости давно разъехались. Горы праздничных яств так и остались нетронутыми. Насколько шумным и многолюдным было герцогское поместье с утра, настолько же сиротливым и заброшенным оно казалось теперь.

Дворик Вутонов располагался на приличном расстоянии от обители Сиэня, так что дорога заняла немало времени. Когда юноша наконец переступил порог внутренних покоев, его взору

предстала живописная картина: перед плотно закрытыми дверями старой госпожи, стоя на коленях, униженно молили о пощаде герцог Хан Чжо и его брат Хан Шу. Оба наперебой умоляли мать побереечь здоровье и не гневаться. На голове и парадных одеждах Хан Чжо все еще чернели потеки туши, придавая ему до крайности жалкий вид. Второй дядя, Хан Шу, выглядел опрятнее, но его лицо буквально потемнело от злости.

Внутри же, вокруг постели старой госпожи, суежилась целая толпа: невестки всех трех ветвей рода, дочери, внуки и внучки. Лишь ее любимца, пятого принца Цзи Хуая, дворцовые слуги поспешили увести подальше от этого кошмара обратно во дворец. Сквозь зашторенные окна доносился нестройный гул утешений, среди которых особенно звонко выделялся голосок Хан Цинсюэ, старшей дочери второго дяди.

Заметив приближающегося племянника, Хан Шу переменялся в лице. Гнев из-за пережитого унижения лишил его всякого благообразия. Позабыв о приличиях и разнице в положении, он злобно выплюнул:

— А ты что здесь забыл?

На лице Сиэня отразилось глубокое изумление.

— Отчего вы спрашиваете, второй дядя? — протянул он с едва уловимой издевкой. — Очевидно же: превозмогая недуг, я приковылял сюда, дабы вымолить прощение у бабушки. — Юноша на мгновение умолк и со вздохом добавил: — Матушка Дун безнадежно испортила торжество. И пусть она прислуживала мне, я, хоть и слаб телом да скудоумен, чту сыновний долг. Моя преданность семье чиста перед Небом и Землей, так что я обязан принять вину на себя.

От этих притворно-покорных речей у Хан Шу едва не разорвалось сердце от злости.

Стоило тихому, вкрадчивому голосу наследника разнестись по двору, как в покоях старой госпожи мгновенно воцарилась гробовая тишина. Никому не хотелось навлекать на себя беду.

Прошла минута, но тяжелая дверная занавесь так и не колыхнулась. Сиэнь прекрасно понимал: те, кто прячутся внутри, давно заметили его сквозь щели. Старая карга умышленно держала его на холоде, надеясь уязвить его гордость и заставить опуститься на колени рядом с отцом. Мелкая, жалкая месть.

Разумеется, доставлять ей такое удовольствие он не собирался. Сделав несколько шагов вперед, Сиэнь остановился у самого порога и громко, так, чтобы его отчетливо слышали внутри, произнес:

— Бабушка, неужто вы до сих пор казнитесь мыслью, что ваш внук едва не расстался с жизнью? Я глубоко тронут вашей заботой. Но ведь матушке Дун так и не удалось меня убить. Да, рана на руке глубока, однако после прилежного лечения все затянется, так что вам право же не о чем беспокоиться. Как изволил заметить почтенный гость моего отца, я выказал

излишнее мягкосердечие, не приказав забить безумную няньку насмерть на месте. Из-за моей слабости она доставила вам столько тревог, и я безмерно признателен вам за сострадание.

На губах его блуждала кроткая улыбка, а в мыслях царил холодный расчет:

"Ну же, старая карга, попробуй признаться вслух, что тебе плевать на мою жизнь. Сегодняшний позор уже разлетелся по столице, и десятки чиновников жадно ловят каждую сплетню. Сделай неверный шаг — и наше почтенное семейство станет посмешищем для всего двора"

Яд, сокрытый в каждом слове наследника, достиг цели. Старая госпожа в покоях побелела от ярости. Тяжело хрипя, она едва не лишилась чувств от приступа грудной жабы. В этот миг она была готова собственными руками задушить мерзавца. Дрожащая рука, украшенная массивным перстнем с изумрудом, указала на дверь; старуха уже открыла рот, собираясь разразиться проклятиями, но ее вовремя перехватил Хан Юэвэнь — младший сын нынешней госпожи Лю. Он мягко сжал ее пальцы, безмолвно призывая к благоразумию.

Старая госпожа вцепилась в ладонь внука. В ее слезящихся глазах стояли слезы бессильной злобы. Шевельнув сухими губами, она беззвучно выговорила: «Гоните его прочь».

Юэвэнь понимающе кивнул. Несмотря на юный возраст, мальчик воспитывался у лучших учителей столицы и умел держать себя в руках. Понимая, что женщинам сейчас не пристало вмешиваться в разговор на пороге, он красноречиво посмотрел на матушку Ван.

Эта престарелая служанка некогда вошла в дом Хань как приданое старой госпожи, позже вышла замуж за управляющего Чжоу Си и со временем прибрала к рукам все хозяйство внутренних покоев дворика Вутонов.

Выйдя на крыльцо, матушка Ван приподняла занавесь и натянула на лицо приторную улыбку:

— Ах, молодой господин наследник, зачем же вы утруждали себя, будучи столь нездоровы? Старая госпожа места себе не находила от тревоги за вашу жизнь. Но из-за того кровавого непотребства у нее самой разыгралась грудная жаба. Пришлось спешно давать ей снадобье, и сейчас она только-только заснула.

Она умышленно умалчивала о бесчинствах покойной матушки Дун, уверяя, будто хозяйку подкосила исключительно забота о здоровье внука.

Сиэнь понимающе кивнул:

— Действительно, покушение матушки Дун на мою жизнь — зрелище не для слабонервных. Вполне естественно, что бабушка расстроилась. Ее недуг — лишь подтверждение безграничной любви ко мне.

С этими словами он зашелся сухим, надсадным кашлем, отчего его бледные щеки залил болезненный румянец. Переведя дыхание, он скроил огорченную мину:

— Раз уж бабушка почивает, а я сам едва держусь на ногах от хвори, мне не стоит входить в спальню, дабы не навлечь на нее еще и заразу.

Матушка Ван лишилась дара речи от такой неприкрытой дерзости. Наследник же в душе лишь хладнокровно посмеивался. Неужто эти глупцы надеялись, что он окажется прежним безвольным дураком? Думали, пара лицемерных фраз заставит его пасть ниц ради призрачной репутации послушного внука? Какая наивность.

Развернувшись, Сизнь не спеша направился к выходу. Поравнявшись с коленопреклоненным отцом, он слегка наклонился и с притворным сокрушением обронил:

— Отец, вы так прогневали бабушку, что вынуждены стоять здесь на коленях. Мое слабое здоровье не позволяет мне разгрузить вас и принять это наказание на себя, отчего мое сердце обливается кровью.

Этим небрежным уколом он искусно перевел стрелки на любимого отпрыска госпожи Лю — юного Юэвэня. Сизнь-то немощен, а вот его сводный брат здоров и крепок. Разумеется, наследник прекрасно понимал, что взбалмошная старуха просто сорвала злость на сыновьях, запретив кому-либо заступаться за них, но никто не мешал ему разыграть невинную простоту.

Герцог Хан Чжо сделал вид, что пропустил издевку мимо ушей. Напустив на себя вид чадолюбивого родителя, он мягко проговорил:

— Пустяки. Возвращайся к себе и поправляйся.

— Благодарю, — кивнул Сизнь. — И еще одно... Я бы хотел забрать купчие на слуг моего дворика.

Едва прозвучали эти слова, как из-за закрытых дверей донесся звон разбивающегося фарфора. Сизнь даже ухом не повел — он знал, что старая карга не снизойдет до того, чтобы выскочить наружу.

— Их там совсем немного, отец, так что, надеюсь, вы не забудете о своем обещании.

Тут же раздался резкий, скрипучий голос матушки Ван:

— Молодой господин, вы говорите несурязицу! Купчие всей челяди герцогского дома хранятся в одном месте, и распоряжается ими лично законная супруга. С какой стати отдавать вам часть документов? Неужто вы выказываете непочтительность к матушке Лю?

«Непочтительность к мачехе» в этих стенах приравнивалась к тягчайшему греху сыновней непокорности. Сизня уже тошнило от этих вечных упреков. Словно в этом прогнившем гнезде остался хоть один чистый угол, и здешние обитатели не обирали поместье ради собственных нужд!

Не удостоив служанку даже взглядом, он с кротким недоумением уставился на притихшего Хан Чжо и неторопливо произнес:

— Я редко покидаю свои покои, книг почти не читал и в тонкостях ведения хозяйства не смыслю. Когда отец великодушно спросил, чего я желаю, я брякнул первое, что пришло на ум. Если это как-то нарушает заведенные порядки... что ж, давайте сделаем вид, будто отец ничего не обещал мне при свидетелях.

Лицо герцога потемнело еще сильнее. Перед лицом слуг и младшего брата прослыть лжецом он не мог.

— Пустое, — процедил Хан Чжо сквозь зубы. — Правила правилами, но исключения возможны всегда. Подумаешь, несколько бумаг.

Сизнь почтительно поклонился и покинул дворик.

Стоило его фигуре скрыться за воротами, как братьев тут же поспешили поднять с колен слуги. Главный зритель ушел, и продолжать этот унижительный спектакль не имело никакого смысла.

Ближе к вечеру от господина Чжана прислали слугу. Тот доставил обратно шпильку Тысячи Обликов Ста Птиц и несколько других ценных безделушек. Посланник с извиняющимся видом передал слова своего господина: дескать, эти вещицы были выкуплены ими случайно, и они понятия не имели, что перед ними — памятные реликвии покойной матери наследника. Теперь, когда правда открылась, они спешат вернуть имущество законному владельцу.

Подобная уловка позволила сохранить хоть какое-то подобие лица герцогскому дому, ведь гость не стал заявлять напрямую, что ценности были нагло раздарены нынешней хозяйкой усадьбы. Уходя, слуги господина Чжана уносили с собой щедрые ответные дары от семейства Хань, однако в их глазах читалось лишь глубокое презрение. Сам Чжан Ханпин не желал открытой вражды с герцогом и принял подношения, но затаенная обида навсегда пролегла трещиной между их домами.

Старой госпоже не стали докладывать о возвращении реликвий, но она и без того слегла от пережитого потрясения. После очередного обморока перепуганный Хан Чжо лично отправил слуг с официальным прошением к придворным лекарям.

Весть об этой болезни застала Сиэня во дворике Душистых Орхидей. Он нежился под теплыми лучами солнца, полулежа в плетеном бамбуковом кресле. На столике подле него аккуратной стопкой покоились долгожданные купчие на всю прислугу его двора — за исключением бумаг Тао Яо.

Прикрыв глаза, юноша криво усмехнулся. Он был уверен: очень скоро старая карга проклянет тот день, когда решила притвориться больной.

И действительно, вскоре у ворот усадьбы остановились носилки лекаря. Вот только прибыл не привычный для семьи Хань лекарь Ван, а почтенный лекарь Чжоу — придворный врач, из года в год следивший за здоровьем самого государя и подчинявшийся исключительно монаршей воле.

Увидев на пороге столь почтенного гостя, Хан Чжо и его домочадцы похолодели от дурного предчувствия.

До сих пор, как бы ни бунтовал наследник, у них оставался надежный выход — объявить его безумным или безнадежно больным, запереть в четырех стенах и дожидаться, пока светское общество окончательно вычеркнет калеку из памяти. Но визит лекаря Чжоу рушил эти планы до основания. Это означало лишь одно: император в курсе скандала, разыгравшегося в герцогском доме, и происходящее его крайне занимает.

А главное — если за дело брался личный врач государя, притворяться немощным Сиэню оставалось совсем недолго.

<http://bllate.org/book/20088/2001968>